УДК 811.16(084.4)

DOI: 10.18384/2310-7278-2019-5-50-65

«ОБЩЕСЛАВЯНСКИЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АТЛАС» И СЛОВАЦКО-РУССКИЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ИЗОГЛОССЫ

Вендина Т. И.*Институт славяноведения Российской академии наук**119991, г. Москва, Ленинский проспект, д. 32-А, Российская Федерация*

Аннотация. Статья посвящена анализу словацко-русских лексических изоглосс. Привлекая материалы «Общеславянского лингвистического атласа», автор считает, что для понимания истинного характера словацко-русских ареальных связей важное значение имеет общеславянская перспектива, так как она даёт возможность выяснить, какие из лексических параллелей отражают и продолжают отношения исходной системы, а какие свидетельствуют о неодинаковой реализации системы связей и отношений, унаследованных из праславянской эпохи.

Ключевые слова: славянские языки, лингвистический атлас, лексическая изоглосса, словацко-русские лексические параллели, диалектология

“GENERAL SLAVIC LINGUISTIC ATLAS” AND SLOVAK-RUSSIAN LEXICAL ISOGLOSSES

T. Vendina*Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences**32-A Leninskij prospect, Moscow 119991, Russian Federation*

Abstract. The article is devoted to the analysis of Slovak-Russian lexical isoglosses. Using materials of “The Slavic linguistic atlas”, the author believes that the general Slavic perspective is essential to understanding the true nature of the Slovak-Russian areal relations. It allows figuring out the following problem: which lexical parallels reflect and continue the relationship of the original system, and which indicate uneven implementation of the system of relations inherited from the Proto-Slavic era.

Keywords: Slavic languages, linguistic atlas, lexical isogloss, Slovak-Russian lexical correspondences, dialectology

В сопоставительных исследованиях, посвящённых проблемам сходств и различий славянских языков, словацко-русским лексическим параллелям отводится довольно скромное место, так как традиционно отмечается лексическая близость прежде всего польского и русского языков.

Исключением является учебное пособие профессора Н. А. Кондрашова «Славянские языки» [10], в котором в разделе, посвящённом словацкому языку, даётся подробное описание лексических заимствований из русского языка с их детальной семантической классификацией

и временной стратификацией, поскольку Николай Андреевич в своей докторской диссертации «Возникновение и начальный этап развития словацкого литературного языка» [9] уделил этой проблеме особое внимание (см. также: [14]).

Сегодня, когда славистика располагает «Общеславянским лингвистическим атласом»¹, этот вопрос может быть ещё раз рассмотрен, но уже на материале не литературного языка, а диалектов. «Общеславянский лингвистический атлас»

¹ См., например: *Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная. Вып. 6. Домашнее хозяйство и приготовление пищи / отв. ред. Т. И. Вендина. М.: ИРЯ РАН, 2007. 192 с.*

даёт возможность по-новому взглянуть на словацко-русские лексические параллели, так как эти соответствия оказываются довольно интересными как в структурно-типологическом отношении, так и по своим ареальным характеристикам.

Следует сразу сказать, что словацко-русские лексические параллели невозможно рассматривать только в одной плоскости – статистических соответствий, ибо они не укладываются в какой-либо один ареальный сценарий¹, кроме того, происходит отождествление разных по времени изоглосс, которые отличаются друг от друга и по своей древности, и по устойчивости, и по количеству и употребительности охватываемых ими слов, и по своему значению для разных уровней языка [5, с. 23].

Для осмысления этой картины простое суммирование выявленных изоглосс мало что даёт. Кроме того, механическая кумуляция этих изоглосс «без учета их возможной хронологической соотнесенности отражает пережившие себя атомистические установки традиционного языкознания, не согласующиеся с принципами системного описания всех уровней языка» [12, с. 15].

Для понимания истинного характера словацко-русских ареальных связей важное значение имеет общеславянская перспектива, так как она даёт возможность выяснить, какие из лексических параллелей отражают и продолжают отношения исходной системы, а какие свидетельствуют о неодинаковой реализации системы связей и отношений, унаследованных из праславянской эпохи.

Попытаемся взглянуть на словацко-русские лексические соответствия именно в общеславянском контексте. Возможность их исследования в лингвогеографическом

аспекте представилась после публикации шестого тома «Общеславянского лингвистического атласа» «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»² (далее – ОЛА), в котором представлен материал **всех** славянских диалектов, включая болгарские, которые долгое время по экстралингвистическим причинам отсутствовали в Атласе³.

Материалы этого тома⁴ свидетельствуют о том, что на картах Атласа наряду с праславянскими лексемами оказались и лексемы более позднего образования, являющиеся свидетелем самостоятельной истории славянских языков и их диалектов, и это несмотря на то, что в основу Вопросника ОЛА был положен принцип диахронического тождества общеславянских корней и лексем. Более того, материалы Атласа содержат многочисленные факты, отражающие не праславянские, а общеславянские процессы, формирование изоглоссных областей в период самостоятельного существования языков славянских народностей. Поэтому истинная картина связей и отношений славянских языков оказалась во многом затемнена более поздними временными напластованиями.

Том содержит карты и диалектные материалы, собранные в полевых условиях на всей территории Славии (в 853 населённых пунктах, расположенных во всех славянских странах, а также в Германии, Австрии, Венгрии, Румынии). В основе их лежат ответы на вопросы из VIII раздела Вопросника ОЛА «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» [4, с. 115–121], которые имеют индекс L (лексика), SL (словообразование), Sm (семантика), а также тематически близкие вопросы с фонетическим индексом F. Уже само название тома гово-

¹ Ср. в связи с этим точку зрения Э. Бенвениста: «Ясно, что исследование, оперирующее соответствиями лишь как количественными величинами ... заранее обречено на неудачу. Ни число сопоставлений, ни число языков, признанных родственными, не может являться предметом математического исчисления. На самом деле мы должны рассматривать степень родства между членами больших семей родственных языков как переменную величину, способную принимать различное значение» [1, с. 44–45].

² Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная. Вып. 6. Домашнее хозяйство и приготовление пищи / отв. ред. Т. И. Вендина. М.: ИРЯ РАН, 2007. 192 с.

³ О причинах отсутствия болгарского материала на картах Атласа см.: [7, с. 315].

⁴ В дальнейшем в нашей статье все ссылки на карты даются по данному тому: Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная. Вып. 6. Домашнее хозяйство и приготовление пищи / отв. ред. Т. И. Вендина. М.: ИРЯ РАН, 2007. 192 с. (далее – ОЛА)

рит о том, что он состоит из двух самостоятельных частей – «Домашнее хозяйство» и «Пища и ее приготовление», каждая из которых содержит блок карт и материалов к ним, объединённых по тематическому или лексико-семантическому принципу. Эти блоки не равноценны по количеству входящих в их состав карт, однако семантическая связь их не вызывает сомнения.

Внутри раздела «Домашнее хозяйство» условно можно выделить две группы карт:

1) названия посуды и некоторых предметов домашнего быта (вопросы L 1036 'стакан', F(Sm) 1037 *čaša, F(Sm) 1191 *bl'udo, Sl 1184 'ложка', Sl 1185 *dem* 'ложечка', Sl 1101 *dem* 'ножик, ножичек', L 1034 'воронка для переливания жидкости в сосуд с узким горлом', L 1060 'деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева', L 1029 'коромысло'; сюда же были отнесены карты на вопросы L 1027 'колодец', а также L 1030 'пустой, незаполненный' и F(Sm) 1031 *porzdьny);

2) материал, из которого сделана посуда (вопросы F(Sm) 1038 *stьklo, Sl 1172 'сделанный из глины').

Раздел «Пища и ее приготовление» тематически более разнообразен. В нём выделяются следующие группы карт:

1) еда (общее понятие) и всё, что с ней связано (вопросы L 1186 'всё, что употребляется в пищу людьми, еда', L 1039 'желание, потребность пить', FP(Sm) 1040 *žedja, L 1150 'кислый, квашеный' (о капусте), L 1195 'проглотит' (еду), L 1204 'вкусный' (о еде); с точки зрения семантики эта группа довольно разнородна, так как, кроме опорного слова *еда*, она включает названия её признаков – *кислый* и *вкусный*, а также семантически далёкие *жажда* и *проглотит*;

2) мука, тесто, процесс печения (вопросы L 1058 'мука, из которой пекут хлеб', L 1064 'поставит, замесит тесто', L 1065 'подходит, растёт' (о тесте), Sl 1080 3sg praes asp perf 'печет', F(Sm) *rešьnyje);

3) хлеб и всё, что с ним связано (вопросы L 1087 'режет' (хлеб), L 1089 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка', L 1090 'крошки' (хлеба);

4) названия видов мяса (вопросы Sl 1111 'мясо свиньи', LSl 1112 'мясо коровы или вола', Sl 1113 'мясо телёнка', Sl 1114 'мясо барана', Sl 1115 'мясо гуся'); тематически к этой группе карт примыкает вопрос L 1116 'содержащий много жира' (о мясе);

5) сало и продукты его переработки (вопросы L 1117 'подкожный слой жира в свинине', F(Sm) 1118 *sadlo, L 1120 'топлёное свиное сало', L 1121 'пережаренные кусочки сала');

6) молоко и молочные продукты (вопросы L 1129 'молоко коровы сразу после отёла', L 1128 'пенка' (на молоке), F(Sm) 1130 *sьra, L 1133 'сырое кислое молоко', L 1135 'густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося молока'; L 1136 'густой жирный верхний слой кислого молока', F(Sm) 1138 *syть); с этой группой слов тематически, хотя и отдалённо, связан вопрос Sl 1131 'женщина, которая доит коров';

7) яйцо и его части (вопросы F 1139 (j)aje, Sl 1145 'яичко', L 1146 'скорлупа' (яйца), Sl 1147 'белая часть яйца', Sl 1148 'жёлтая часть яйца');

8) приготовление пищи (вопросы L 1164 'варит, готовит' (обед), Sl 1165 3sg praes asp perf 'варит', L 1166 'кипит' (вода), L 1169 'горячий' (о воде), L 1170 'кипящая или вскипевшая вода', L 1174 'кожура, снятая со старой картошки');

9) временные отрезки, связанные с приёмом пищи (вопросы L 1197 'завтрак, утренняя еда', L 1198 'обед, еда в дневное время', L 1199 'ест обед', L 1200 'еда между обедом и ужином, полдник', L 1201 'ужин, вечерняя еда', L 1203 'ест ужин', F (Sm) 1202 *vešerja).

Карты, входящие в этот том, имеют своей целью показать в пространственной проекции вариативные звенья одного из древнейших номинативных участков лексической системы славянских диалектов, связанного с ведением домашнего хозяйства и приготовлением пищи.

Ареальные характеристики лексики, представленной в этом томе, часто являются довольно сложными, демонстрирующими наложение и пересечение векторов изоглосс, имеющих различные направления. Поэтому топография словацко-

русских изоглосс, их реальная пространственная «наполненность» оказывается не одинаковой, что является свидетельством их разного исторического прошлого и соответственно разной хронологии.

Самыми немногочисленными являются словацко-русские лексические параллели как компоненты **общеславянских** лексических соответствий. Их представляют всего четыре лексемы: *sěr-a*¹ к. 32 'молоко коровы сразу после отёла, молозиво'; *ob-ěd-ъ* к. 59 'обед, еда в дневное время'; *večer-j-a* к. 62 'ужин, вечерняя еда'; *večer-j-a-j-e-tъ* к. 64 'ест ужин'.

При этом ни одна из этих лексем равномерно не покрывает всей территории Славии. Как правило, эти немногочисленные лексемы имеют повсеместное распространение на одних территориях и ограниченное – на других (причём две из них – *večer-j-a* к. 62 'ужин, вечерняя еда'; *večer-j-a-j-e-tъ* к. 64 'ест ужин' имеют локальные ограничения именно в русских диалектах).

Так, в частности, лексема *ob-ěd-ъ* к. 59 'обед, еда в дневное время' равномерно покрывает территорию восточной и западной Славии, но имеет ареальные ограничения во всех южнославянских диалектах.

Лексема *sěr-a* к. 32 'молоко коровы сразу после отёла, молозиво' имеет островные или даже точечные ареалы во всех славянских диалектах, за исключением польских, где её характеризует повсеместное распространение. В словацких диалектах она локализуется в некоторых восточнословацких говорах (пп. 226, 227, 228).

В русских диалектах лексема *sěr-a* встречается спорадически в севернорусских говорах (вологодских и ярославских), среднерусских (новгородских и тверских), а также в западной группе южнорусских (смоленских) говоров.

Ареал этой лексемы тянется узкой полосой с северо-запада на юг, и нигде, кроме польских диалектов, не имеет тотального распространения. Такой прерывистый характер ареала свидетельствует, как представляется, о древних трансдиалектных связях, продолжающих отношения исходной системы. При этом не исключено, что в прошлом ареал этой лексемы был значительно шире.

Совсем иной ареал имеют лексемы *večer-j-a* и *večer-j-a-j-e-tъ*. Лексема *večer-j-a* к. 62 'ужин, вечерняя еда' имеет плотный ареал в южно- и западнославянских диалектах, а также в украинских и белорусских и латеральный ареал в русских диалектах, где её распространение ограничено в основном южнорусскими говорами (причём преимущественно смоленскими, брянскими и примыкающими к ним с юга белгородскими), тогда как на остальной территории Славии, за исключением польских диалектов, лексема *večer-j-a* имеет повсеместное распространение.

Лексема *večer-j-a-j-e-tъ* к. 64 'ест ужин' широко представлена во всех славянских диалектах, за исключением польских и русских, где её локализация ареально ограничена говорами южнорусского наречия.

Таким образом, лексемы *večer-j-a* и *večer-j-a-j-e-tъ* характерны в основном для западной группы говоров южнорусского наречия. При этом следует отметить, что они плотно покрывают территорию украинских и белорусских диалектов, а также западно- и южнославянских языков, т. е. совершенно очевидно, что такая ограниченная локализация этих лексем в русских говорах – явление не случайное, а вполне закономерное, если принять во внимание тенденцию к сужению ареалов праславянских лексем.

Следует, однако, отметить, что эти лексемы были известны русскому языку на ранних этапах его развития. Об этом свидетельствуют, прежде всего, памятники древнерусской письменности, в которых они употреблялись в том же значении (ср.: **кгда твориши овѣдъ или вечерю**. Панд. Ант. XI в.; **Бладѣкаа вечера и сласть**,

¹ Примеры приводятся в морфологической транскрипции, принятой в ОЛА. Морфологическая транскрипция позволяет обобщить фонетические записи, сделанные в полевых условиях в том или ином диалекте, с целью их прямого сопоставления с другими славянскими диалектами.

хлѣбъ ти соль, новата гадъ. Гр. Наз. XI в.; видиши обѣды и вечера и питѣния и прелестъ и говоръ. Златостр.; оуготованъ что вечераж. Остр. Ев.; Панд Ант. XI в.; вечерахомъ много же бесѣдовавъше. Мин. Чет. февр. 288¹). Значительно позднее, не ранее XVI–XVII вв., появляются в современном значении лексемы *ужин* и *ужинать*²).

Данная ситуация находится в полном соответствии с положениями лингвистической географии: «Когда какое-либо новое языковое явление распространилось до того, что оно охватывает уже почти всю, но не целиком всю территорию данного языка, то понятно, что старое, теперь, так сказать, затопленное другим явлением, сохраняется только кое-где в отдаленных углах. Поэтому можно предположить, что одинаковые языковые явления, находящиеся теперь в разных углах данной территории, представляют собой отдельные остатки некоторого старого явления, некогда охватывавшего целую территорию, но теперь отступившего перед наплывом нового» [16, с. 114].

Об этом же свидетельствует и ещё существующее в тех же южнорусских говорах явление конкуренции лексем с корнями *večer-* и *už-*.

Близость украинских и белорусских диалектов, в которых лексемы *večer-j-a* и *večer-j-a-j-e-tb* имеют тотальное распространение, а также наличие межъязыковых контактов поддерживает «витальность» этих лексем в южнорусских говорах и сказывается положительно на их существовании.

В общей картине словацко-русских лексических соответствий эти общеславянские лексемы обладают высоким классификационным весом, так как являются свидетельством тех древних диалектных отношений славянских языков, которые

оказались разрушены их многовековой историей.

К этой группе лексем примыкает небольшая группа словацко-русских лексических корреспонденций, которые являются частью **восточно-южно-(и частично западно-)славянских изоглосс**.

Среди этих лексических корреспонденций следует особо выделить те, которые и в **словацких и русских диалектах имеют обширные ареалы** (например, производные с корнем **glbt-* к. 57 'проглотит' (еду). Помимо словацких (а точнее западно-словацких говоров) и русских диалектов, производные с этим корнем широко распространены в белорусских, словенских, хорватских, сербских, македонских и болгарских диалектах, а также имеют локально ограниченные ареалы в украинских и польских диалектах.

Лексических соответствий подобного типа сравнительно немного³, так как чаще представлены такие, которые в **восточнославянских (и в частности в русских) диалектах имеют обширные ареалы, а в словацких точечные** (ср., например, распространение лексем *kyp-i-tb* к. 47 'кипит' (вода); *žgd-j-a* к. 9 'желание, потребность пить'; *rež-e-tb* (*rež-i-tb*) к. 17 'режет' (хлеб), которые в словацких диалектах зафиксированы лишь в единичных пунктах восточнословацких говоров (как правило, в пп. 228, 232, 233), граничащих с украинскими диалектами, хотя они известны всем южнославянским языкам. Такой ареал этих лексических соответствий позволяет квалифицировать их как контактно-генетические, так как существование этих корреспонденций во многом предопределено контактами с украинскими диалектами.

Нельзя, однако, не отметить, что иногда встречаются и противоположные ареальные сценарии, когда в **словацких диалектах корреспондирующие лексемы имеют обширные ареалы, тогда как в восточнославянских диалектах (и в частности**

¹ См.: Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. I. М.: Знак, 2003. С. 251–252.

² См.: Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. II. М.: Рус. яз., 1994. С. 285.

³ Ограниченный объём статьи позволил привести лишь некоторые примеры. Более подробные данные содержатся в монографии Т. И. Вендиной «Русские диалекты в общеславянском контексте (лексика)» [3].

в русских) **ограниченные** (ср., например, распространение лексемы *soln-in-a* к. 27 'подкожный слой жира в свинине', которая плотно покрывает территорию словацких и польских диалектов, однако в русских диалектах она зафиксирована лишь в старожильческих говорах на территории Латвии (п. 526), в украинских диалектах лексема *soln-in-a* известна в основном в говорах юго-западного наречия, особенно в закарпатских и гуцульских; в белорусских диалектах эта лексема имеет островные ареалы в северо-восточных говорах, среднебелорусских и юго-западных; кроме того, лексема широко распространена во всех южнославянских диалектах, за исключением словенских, где она локально ограничена; ср. также локализацию описательной конструкции *kys-ěl-o mel k-o* к. 35 'сырое кислое молоко', которая широко распространена в южнославянских, чешских и словацких диалектах, тогда как в русских диалектах она имеет ограниченный ареал в севернорусских (архангельских, ладого-тихвинских, вологодских и костромских говорах) и южнорусских (курско-орловских) говорах; в украинских и белорусских диалектах это наименование простокваши имеет более обширный ареал, но также локально ограниченный (в белорусских диалектах оно локализуется в основном в юго-западных и западно-полесских говорах; в украинских диалектах оно также характерно в основном для полесских и юго-западных говоров).

Эти изоглоссы сформировались, по-видимому, также в достаточно древний период, когда южнославянские диалекты ещё не были оторваны от севернославянских. Наличие же ареалов в отдельных западнославянских диалектах ещё больше повышает их статус, так как эти ареалы говорят о том, что в прошлом корреспондирующие лексемы были распространены значительно шире.

Такой же древний характер имеют словацко-русские лексические корреспонденции, которые входят в состав изоглосс, связывающих **восточно- и западнославянские языки с некоторыми южносла-**

вянскими. Их представляют лексемы, которые, как правило, **плотно покрывают территорию восточно- и западнославянских** (или некоторых западнославянских, в том числе словацкого языка) и отдельных южнославянских языков. Ярким примером таких соответствий может служить лексема *tok-a* к. 11 'мука, из которой пекут хлеб', которая имеет плотный ареал в восточно- и западнославянских языках, а также в словенских, хорватских и сербских диалектах; лексема *var-i-tb* к. 45 'варит, готовит' (обед), которая широко распространена в восточно- и западнославянских диалектах (в том числе повсеместно в словацких), а также в отдельных южнославянских (в хорватских, сербских и македонских); лексемы *běl-čk-č* к. 42 'белая часть яйца' и *žlt-čk-č* к. 43 'жёлтая часть яйца': в восточнославянских, словацких, чешских и лужицких диалектах они распространены практически повсеместно; кроме того, они имеют обширные ареалы в болгарских и локально ограниченные в польских, сербских, македонских и словенских диалектах.

Локализация ареалов этих лексем (большая часть которых находится в западнословацких говорах, являющихся, как известно, зоной архаики), а главное – их континуальность являются живым свидетельством диалектальности славянского языкового континуума ещё в праславянскую эпоху. Находясь в разных концах Славии, и представленные часто в виде изолированных «островков», эти соответствия нередко являют собой «осколки» некогда более обширных ареалов.

К этой же группе словацко-русских лексических соответствий примыкают изоглоссы, которые сформировались также в рамках восточно-западнославянских соответствий, но имеют ареальные ограничения в своём распространении. При этом здесь прослеживается несколько ареальных сценариев:

– **обширный ареал в словацких и русских диалектах, но ограниченный в украинских, белорусских, чешских и польских** (ср. *koryt-o* к. 12 'деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева': в

украинских диалектах лексема представлена главным образом в говорах юго-западного наречия; в белорусских диалектах она встречается в основном в северо-восточных и среднебелорусских говорах; в польских диалектах она имеет островные ареалы в силезских и малопольских говорах; в чешских диалектах она встречается в отдельных собственно чешских, моравских и ляхских говорах). Кроме того, эта лексема распространена в некоторых словенских диалектах (в частности, в прекмурских и доленских говорах) и в хорватских (в отдельных кайкавских, штокавских и чакавских говорах);

– **обширный ареал в словацких диалектах, но ограниченный в восточнославянских** (ср., например, распространение лексемы //ěd-j-en-bj-e к. 54 'все, что употребляется в пищу людьми, еда': в русских диалектах лексема зафиксирована в отдельных пунктах среднерусских тверских говоров; в белорусских – в юго-западных; в украинских диалектах она имеет островной ареал в юго-западных говорах; в словацких и польских диалектах она распространена практически повсеместно). Такое же широкое распространение этой лексемы наблюдается в македонских и болгарских диалектах;

– **локально ограниченный ареал в словацких диалектах, но обширный в восточнославянских** (ср., например, распространение лексемы *sъ-met-an-a* к. 37 'густой жирный верхний слой кислого молока, сметана', которая локализуется в западнословацких диалектах). При этом она широко распространена в восточнославянских диалектах, а также известна в словенских, сербских и болгарских диалектах;

– **локально ограниченные ареалы и в русских, и в словацких диалектах** (ср., например, распространение лексемы *sъ-met-an-a* к. 36 'густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося молока, сливки': в русских диалектах лексема локализуется преимущественно в южнорусских говорах, особенно в их западной группе, хотя и встречается в отдельных пунктах севернорусских говоров). При этом она широко

представлена в белорусских и западноукраинских диалектах; в словацких диалектах лексема локализуется в основном в западнословацких говорах; кроме того, она имеет локально ограниченные ареалы во всех южнославянских (за исключением македонских) диалектах.

Континуальность ареалов этих лексем, которые связывают три славянские языковые группы, локализация их в основном в западнословацких говорах свидетельствует в пользу архаичности этих ареальных связей.

Этим древним словацко-русским лексическим параллелям, которые можно охарактеризовать как генетические, противостоят лексические соответствия, сформировавшиеся значительно позднее, когда южнославянские языки были уже оторваны от севернославянских. Это словацко-русские лексические изоглоссы, которые охватывают лишь **восточно- и западнославянские языки**.

Среди этих соответствий отчётливо выделяются несколько групп лексем.

Первую образуют лексемы, которые **плотно покрывают территорию восточно- и западнославянских языков** или восточно- и некоторых западнославянских (включая словацкий), отсекая южнославянские (ср., например, распространение лексемы *pož-ik-ъ* к. 20 *dem* 'ножик, ножичек', которая имеет обширный ареал и в восточно-, и в западнославянских языках; лексемы *baran-in-a* к. 24 'мясо барана', широко распространённой в восточнославянских, польских и словацких диалектах).

Во вторую группу входят лексемы, которые имеют **широкое распространение в русских и некоторых западнославянских** (и прежде всего в словацких) диалектах, но отсутствуют в южнославянских (ср., например, распространение лексемы *škar-ъk-a* (-y) к. 30 'пережаренные кусочки сала', которая широко распространена в русских, украинских, чешских и словацких диалектах, но имеет ограниченный ареал в белорусских, польских и лужицких диалектах; или лексемы //aj-ič-ъk-o к. 40 *dem* (j)aje, которая имеет плотный ареал

в русских, словацких, чешских диалектах и ограниченный в белорусских и украинских; или лексемы //aj-ъc-o к. 39 Nsg (j)aje, которая широко распространена в русских и словацких диалектах и имеет ограниченные ареалы в чешских, польских, украинских и белорусских диалектах).

Третью (самую обширную) группу образуют **лексемы, которые в восточно- и западнославянских языках имеют особенности в своём распространении.** Среди ареальных сценариев этих соответствий чаще всего прослеживаются следующие:

– **обширный ареал корреспондирующих лексем в восточнославянских диалектах, тогда как в западнославянских (в частности в словацких) он имеет ограниченный, а иногда даже точечный характер** (ср., например, распространение лексем: *lôž-bk-a* к. 52 'ложка': в словацких диалектах лексема зафиксирована в восточнословацких говорах; кроме того, она имеет островные ареалы в польских (великопольских и силезских) говорах и точечный – в чешских (п. 197); *glin-j-an-ъ* к. 50 'сделанный из глины': в словацких диалектах лексема локализуется в восточнословацких говорах; однако она широко распространена в польских и лужицких диалектах);

– **обширный ареал в словацких диалектах и ограниченный в восточнославянских** (ср., например, распространение лексемы *na-var-i-tb* к. 46 3sg praes asp perf 'варит', которая имеет обширный ареал в словацких диалектах и ограниченный во всех остальных западнославянских, а также в восточнославянских: в русских диалектах эта лексема отмечена в отдельных пунктах севернорусских (архангельских) и среднерусских (подмосковных) говоров; в белорусских диалектах – в некоторых юго-западных и среднебелорусских говорах; в украинских диалектах лексема зафиксирована в закарапатских говорах);

– **ограниченный ареал корреспондирующих лексем и в словацких, и в русских диалектах** (ср., например, распространение таких лексем, как (*smač*)-ъn-ъ к. 65 'вкусный' (о еде), которая широко распространена в польских, украинских и

белорусских диалектах, но имеет ограниченный ареал в русских диалектах (так как локализуется в основном в южнорусских смоленских и брянских говорах) и словацких (а точнее в восточнословацких); *skor-ir-a* к. 41 'скорлупа' (яйца): лексема имеет островные ареалы в восточнославянских, чешских и словацких (восточнословацких) диалектах и довольно обширный в польских; лексема *sъn-ěd-anъ, sъn-ěd-anъj-e* к. 58 'завтрак, утренняя еда': в русских диалектах лексема локально ограничена, так как встречается в основном в южнорусских говорах (смоленских, брянских) и в отдельных пунктах среднерусских (псковских); в словацких диалектах лексема зафиксирована лишь в п. 208; при этом она широко известна в польских, чешских, лужицких, белорусских и украинских диалектах; *skor-ъk-a* к. 31 'пенка' (на молоке): в словацких диалектах лексема распространена в основном в восточнословацких говорах, кроме того, она имеет островные ареалы в польских (мазовецких и малопольских) говорах и точечный ареал в чешских диалектах (п. 207); в русских диалектах она зафиксирована в отдельных пунктах южнорусских говоров (Белгор. п. 841); в белорусских диалектах лексема *skor-ъk-a* встречается в некоторых юго-западных и западнopoлесских говорах).

Статус этих соответствий разный.

Обширный ареал и целостность общей ареальной картины на значительной части территории лексических соответствий первой и второй группы свидетельствует о том, что эти словацко-русские лексические параллели сформировались, по видимому, в позднепраславянский период. Отсутствие изоглосс в южнославянских языках является свидетельством того, что этот обширный ареал образовался уже после отделения славянского юга от славянского севера, но ещё существовало восточно-западнославянское единство, в рамках которого протекали совместные языковые процессы.

Об этом косвенно свидетельствует тот факт, что в общей картине межславянских лексических связей, представленных

в этом томе ОЛА, отсутствует такая типологически значимая ареальная ситуация, когда лексема равномерно покрывала бы всю восточнославянскую территорию и находила бы такое же яркое продолжение в южнославянских диалектах, тогда как в западнославянских диалектах подобная ситуация наблюдается (ср., например, распространение лексемы *pož-ik-ъ* к. 20 *dem* 'ножик, ножичек'). Примечательно, что эти корреспондирующие восточно-западнославянские лексемы представлены производными основами, прозрачная словообразовательная структура которых указывает на их сравнительно позднее образование, а наличие в сравниваемых языках общих инноваций, в соответствии с постулатом лингвистической географии, является свидетельством предшествующего им диалектного континуума, т.е. совместного пути развития, продолжавшегося ещё в относительно позднюю эпоху (подробнее см.: [13, с. 11; 8, с. 127]).

Третий тип соответствий, имеющих ареальные ограничения в словацких и/или русских диалектах, сформировался уже значительно позднее и является, скорее всего, результатом междиалектных контактов, в которых участвовали украинские и белорусские диалекты. Не случайно многие из этих соответствий локализируются в восточнословацких говорах, территориально граничащих с юго-западными украинскими говорами. Их статус можно определить как ареально-генетический.

Интересно, что среди **этих словацко-восточнославянских соответствий** не обнаружено таких, которые в западнославянских языках имели бы распространение **только в словацких диалектах** и при этом **они были бы известны в русских, украинских и белорусских диалектах** (единственный случай отмечен на к. 41 'скорлупа' (яйца): он связан с локализацией лексемы *skor-o-lup-a*, которая зафиксирована в единичном пункте восточнословацких говоров (п. 230), при этом она имеет широкое распространение в восточнославянских, особенно в русских, диалектах), в то время как среди **польско-восточно-**

славянских соответствий такие случаи отмечены, причём их довольно много (ср., например, распространение таких лексем, как *podъ-večer-ъk-ъ* к. 61 'еда между обедом и ужином, полдник'; *//aj-ъč-ъk-o* к. 40 *dem* (j)aje; *pust-ъ* к. 3 'пустой, ненаполненный' (например, о горшке) и др.).

В тех редких случаях, когда подобные соответствия всё-таки встречаются, они находят, как правило, продолжение в южнославянских диалектах (ср., например, локализацию словацко-восточнославянской изоглоссы лексемы *gqs-ēt-in-a* к. 25 'мясо гуся', которая в западнославянских языках имеет плотный ареал только в словацких диалектах, при этом она встречается в хорватских диалектах; или лексемы *rež-e-tъ, rež-i-tъ* к. 17 'режет' (хлеб), которая в западнославянских языках встречается только в некоторых словацких (и в частности в восточнословацких) говорах, однако она широко распространена во всех южнославянских диалектах; или лексемы *kraj-ъc-ъ* к. 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка', которая отмечена в основном в среднесловацких говорах; в русских диалектах она зафиксирована лишь в двух пунктах южнорусских говоров (Смол. п. 771; Курск. п. 830); в белорусских диалектах она имеет дисперсный ареал в некоторых северо-восточных, юго-западных и среднебелорусских говорах; в украинских диалектах она отмечена в единичном пункте полесских говоров (п. 384); кроме того, она имеет довольно плотный ареал в словенских диалектах и точечный в хорватских).

Эти соответствия в общей картине словацко-русских ареальных связей имеют особый статус, так как это, скорее всего, «осколки» некогда более обширных ареалов, в связи с чем они являются ещё одним свидетельством диалектальности славянского языкового континуума ещё в праславянскую эпоху.

Все эти словацко-русские изоглоссы сложились в основном в рамках восточнославянского континуума, и в их возникновении важная роль принадлежала украинским и белорусским диалектам.

Благодаря украинским и белорусским диалектам в русско-словацких ареальных связях наблюдается цепочечное развитие диалектных зон. Образуя звенья такой цепочки, украинские и белорусские диалекты являют собой последовательные этапы исторического развития как картографируемого явления, так и самой лингвотерритории. Однако «вклад» украинских и белорусских диалектов в формирование этих лексических параллелей оказывается разным.

Прежде всего следует отметить, что **русско-(украинско-)словацкие** соответствия являются более репрезентативными, чем русско-(белорусско-)словацкие, так как корреспондирующие лексемы нередко характеризуются обширными ареалами, а иногда и повсеместным распространением. Отличительной особенностью этих соответствий является и то, что все они находят продолжение в южнославянском ареале. Яркой иллюстрацией таких русско-(украинско-)словацких соответствий могут служить, например, такие лексемы, как:

– (*fruštik*)-ѣ, (*fryštik*)-ѣ к. 58 ‘завтрак, утренняя еда’: в русских диалектах лексема имеет точечный ареал в русских старожильческих говорах Эстонии (п. 527); в украинских она распространена в некоторых закарпатских говорах; **в словацких диалектах она плотно покрывает всю их территорию**; кроме того, эта лексема имеет островные ареалы в польских и некоторых южнославянских (словенских, хорватских и сербских) диалектах;

– производные с корнем **kys-* к. 14 ‘подходит, растет’ (о тесте): в русских диалектах дериваты с корнем **kys-* имеют точечные ареалы в севернорусских (Волог. п. 638), южнорусских (Тул. п. 804) и среднерусских говорах (Новг. п. 634); в украинских диалектах они распространены преимущественно в говорах юго-западного наречия; **в словацких диалектах они плотно покрывают всю их территорию**, кроме того, эта лексема имеет островные ареалы в польских, чешских и некоторых южнославянских (хорватских, сербских, македонских и болгарских) диалектах;

– *pol-u-dьn-e*, *pol-ъ-dьn-e* к. 59 ‘обед, еда в дневное время’: в русских диалектах лексема зафиксирована в двух пунктах южнорусских говоров (Ряз. пп. 768, 783); в украинских диалектах – в единичном пункте юго-западных говоров (п. 524); **в словацких диалектах лексема отмечена в отдельных пунктах западнословацких говоров** (пп. 214, 215); кроме того, эта лексема имеет островные ареалы в польских и некоторых южнославянских (в частности, в болгарских) диалектах.

В ареальном распределении русско-(украинско-)словацких соответствий прослеживается следующая закономерность: в русских диалектах они локализируются чаще всего в южно- и среднерусских (новгородских) говорах; в украинских – в говорах юго-западного наречия, в словацких диалектах выявленные лексические корреспонденции нередко распространены практически повсеместно (а не только в восточнословацких диалектах, как это наблюдалось в русско-словацких параллелях в рамках восточнославянских языков).

Русско-(белорусско-)словацкие лексические параллели можно проиллюстрировать следующими примерами:

– *krom-ъk-a* к. 18 ‘первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка’: в русских диалектах лексема встречается в основном в западной группе русских говоров (тверских, новгородских, ладого-тихвинских); в белорусских диалектах она отмечена в единичном пункте на границе с псковскими говорами (п. 335); в словацких диалектах она локализуется преимущественно **в восточнословацких говорах**; кроме того, эта лексема имеет довольно обширный ареал в польских диалектах (в частности, в великопольских, а также в отдельных кашубских и силезских говорах);

– *běl-ъk-o* к. 42 ‘белая часть яйца’: в русских диалектах лексема зафиксирована в единичном пункте севернорусских говоров (Арх. п. 549); в белорусских диалектах она имеет островной ареал в юго-западной группе говоров; **в словацких диалектах она имеет дисперсные ареалы в западно-, восточно- и среднесловацких говорах**;

кроме того, лексема имеет островной ареал в чешских (моравских) диалектах и обширный ареал в польских диалектах, где её характеризует практически повсеместное распространение;

– *gqs-in-a* к. 25 ‘мясо гуся’: в русских диалектах лексема встречается в отдельных севернорусских (вологодских) и южнорусских (смоленских) говорах; в белорусских она имеет точечный ареал в среднебелорусских говорах (п. 331); в словацких – **в западнословацких говорах** (п. 208); кроме того, лексема имеет островной ареал в чешских (ляшских и моравских) диалектах и обширный ареал в польских диалектах, где она представлена практически повсеместно.

Русско-(белорусско-)словацкие лесические параллели имеют, как правило, ограниченные ареалы: в русских диалектах они локализуются в отдельных северно- и среднерусских говорах; в белорусских они имеют островные ареалы в северо-восточных, среднебелорусских и юго-западных говорах; в словацких диалектах они чаще всего представлены в восточно- или западнословацких говорах.

При этом ни одна из корреспондирующих лексем не выходит за пределы северной Славии, что невольно наталкивает на мысль о позднем образовании этих ареальных связей, в формировании которых важную роль сыграли польские диалекты, которые являлись центром иррадиации этих лексем.

Последнюю группу соответствий образуют **собственно словацко-русские лексические параллели**. Эта группа лексических соответствий представляет собой также неоднородное явление, так как среди них выделяются сепаратные и эксклюзивные связи.

Эти соответствия представляют, несомненно, наибольший интерес. Являясь следствием дивергентного развития славянских языков, они являют собой своеобразную «языковую эрозию» [6, с. 113], т. е. остатки некогда более обширных ареалов корреспондирующих лексем. Поэтому «в сложном, пёстром переплетении изоглосс

наиболее показательны, наиболее значимы сепаратные изоглоссы, т. е. исключительные связи, отличительно характеризующие отдельные диалекты на фоне общеславянских словарных совпадений» [11, с. 28].

Рассмотреть эту уникальную ситуацию в деталях впервые предоставляет возможность «Общеславянский лингвистический атлас», карты которого позволяют преодолеть известную атомарность многих славистических исследований, когда та или иная изоглосса (в силу объективных причин, и, прежде всего, вследствие отсутствия материала) вырывалась из широкого ряда межславянских соответствий и возводилась в ранг определяющей.

Следует, однако, сказать, что в целом таких соответствий (судя по материалам этого тома Атласа) сохранилось сравнительно немного, однако ценность их определяется тем, что они отсутствуют в украинских и белорусских диалектах, что даёт возможность реально оценить характер словацко-русских лексических параллелей.

Словацко-русские сепаратные изоглоссы представляют следующие лексемы:

– *porzd-yn-ъ, porzd-yn’-ъ* к. 3 ‘пустой, ненаполненный’: в русских диалектах лексемы имеют плотный ареал в севернорусских говорах; кроме того, они широко известны в западной группе среднерусских говоров (новгородских, псковских и тверских); **в словацких диалектах эти лексемы распространены практически повсеместно**; кроме того, эта изоглосса охватывает все западно- и южнославянские диалекты;

– (*traxter*)-ъ к. 5 ‘воронка для переливания жидкости в сосуд с узким горлом’: в русских диалектах лексема имеет точечный ареал в среднерусских (псковских) говорах, а также в русских старожильческих говорах на территории Эстонии; **в словацких диалектах она локализуется в основном в западнословацких говорах**. Кроме того, эта изоглосса проходит в чешских, польских, словенских и хорватских диалектах;

– *ob-škvar-ъk-y, ob-škvar-ъk-y* к. 30 ‘перезаренные кусочки сала’: в русских диалектах лексемы встречаются в отдельных

пунктах севернорусских (Яросл. п. 683) и среднерусских говоров (Новг. п. 637; Иван. п. 705); **в словацких диалектах они распространены в основном в западнословацких говорах**; кроме того, лексемы представлены в чешских диалектах. Ареал этих лексем вписывается в более обширный ареал лексемы *škar-ъk-у*, распространённой в русских, белорусских, украинских, польских, лужицких, чешских и словацких диалектах;

– *kož-a* к. 31 ‘пенка’ (на молоке): лексема зафиксирована в отдельных севернорусских говорах (Арх. пп. 532, 535); **при этом она широко распространена в западнословацких диалектах и реже – в среднесловацких**; кроме того, она имеет островные ареалы в лужицких, чешских, хорватских, сербских и македонских диалектах;

– *koryt-ъc-e* к. 12 ‘деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева’: в русских диалектах лексема зафиксирована в отдельных севернорусских говорах; в словацких **она имеет точечный ареал в среднесловацких говорах** (п. 224);

– *kraj-ъ* к. 18 ‘первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка’: лексема имеет точечные ареалы в русских (Арх. п. 578; Твер. п. 715), среднесловацких (п. 216), в хорватских и сербских диалектах;

– производные с корнем **dviġ-/dviž-* к. 14 ‘подходит, растет’ (о тесте): в русских диалектах дериваты с этим корнем имеют островной ареал в севернорусских говорах (Арх. пп. 542, 543, 575); **в словацких они зафиксированы в западнословацких говорах на территории Венгрии** (п. 154).

Прежде всего, обращает на себя внимание тот факт, что среди ареальных сепаратных связей словацких и русских диалектов отсутствуют такие, которые имеют тотальный характер, когда репрезентирующие их лексемы равномерно покрывают территорию тех или иных говоров. Исключение составляют лексемы *porzd-ъn-ъ, porzd-ъn-ъ* к. 3 ‘пустой, ненаполненный’, которые обладают обширными ареалами в западно- и южнославянских языках и имеют довольно плотный ареал в русских диалектах (в частности, в севернорусских и в запад-

ной группе среднерусских говоров). Все остальные соответствия представлены лексемами, не имеющими широкого распространения.

Несмотря на немногочисленность русско-словацких сепаратных соответствий, в их распространении прослеживается определённая повторяемость, а именно: в русских диалектах эти сепаратные соответствия локализуются чаще всего в архангельских и в западной группе среднерусских говоров. **В словацких диалектах они концентрируются в основном в западнословацких говорах.**

При этом хронологическая стратификация этих соответствий разная.

Здесь чрезвычайно важным оказывается фактор пространства. Так, в частности, наличие обширных дистантных ареалов лексем *porzd-ъn-ъ, porzd-ъn-ъ* к. 3 ‘пустой, ненаполненный’ (рус.-слн.-хрв.-серб.-мак.-блг.-чеш.-слц.-луж.-плс.) является свидетельством диалектальности славянского языкового континуума ещё в праславянскую эпоху, ибо существование изоглосс, связывающих языки, удалённые на очень большое расстояние, говорит о том, что «языковая общность, сосредоточенная первоначально на сравнительно ограниченной территории, с течением времени рассеялась» [15, с. 184]¹.

К архаизмам, по-видимому, можно отнести и лексему *kraj-ъ* к. 18 ‘первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка’: несмотря на то, что лексема образует островные ареалы в русских диалектах, а также в хорватских, сербских и словацких, она может рассматриваться как архаизм, так как все эти ареалы являются дистантными и локализуются в трёх славянских языковых группах, кроме того, лексема представляет собой непроеизводную основу, на базе которой образовались многочисленные дериваты, расширившие радиус её распространения практически до общеславянского, ср.: рус. *kraj-ux-a, kraj-uš-ъk-ъ*;

¹ Ср. В связи с этим следующий тезис: «Когда в лингвистическом пространстве могут быть найдены два или более ареала с тем же явлением, это указывает на то, что данное явление существовало на промежуточной между ними территории» [2, с. 34].

рус.-блр. *kraj-uš-ѡk-a*; рус.-блр.-слн.-хрв.-слц. *kraj-ѡс-ѡ*; рус.-блр.-укр.-плс.-слц. *ob-kraj-ѡс-ѡ*; блр.-укр. *ob-kraj-ѡѣ-ik-ѡ*; хрв.-укр. *сѡ-kraj-ѡс-ѡ*; серб.-плс. *сѡ-kraj-ѡk-a*; слн.-слц. *kraj-ik-ѡ*; чеш.-слц. *kraj-ič-ѡk-ѡ*; серб.-мак. *kraj-ѡk-a*; мак.-блг. *kraj-itj-ѡn-ik-ѡ*, *kraj-ѡѣ-ѣ* и т. д. Значение этой лексемы, являющейся девербативом от глагола **krojiti*¹ является первичным, т. е. то, что отрезано, «место отреза или разрыва»², что также указывает на её архаичный характер.

К независимым типологически сходным образованиям следует отнести, по видимому, лексему *kož-a* к. 31 'пенка на молоке', несмотря на наличие у неё островных ареалов в одних диалектах (в частности, в русских пп. 532, 535; в чешских пп. 188, 199, 204; хорватских пп. 40, 148а; сербских пп. 151, 168; македонских п. 105) и довольно плотных – в других, а именно в словацких и лужицких. Переносный характер значения этой лексемы, исходная посессивная семантика которой была 'козья' (шкура) < **kozja*³, свидетельствует о более позднем его развитии.

На поздний характер соответствий указывает и лексема (*traxter*)-ѡ к. 5 'воронка для переливания жидкости в сосуд с узким горлом', заимствованная из др.-в.-нем. *trahter*, *trihtere*, которая имеет обширные ареалы в чешских, западнословацких, кашубских, словенских и хорватских диалектах и точечный – в русских.

Поздними независимыми типологически сходными образования могут быть лексемы *ob-škar-ѡk-y*, *ob-skvar-ѡk-y* к. 30 'пережаренные кусочки сала', в пользу чего свидетельствует, прежде всего, производный характер основы этих лексем и их то-

чечный ареал в польских и русских диалектах.

Среди русско-словацких **ЭКСКЛЮЗИВОВ**, т. е. таких, которые характерны лишь для русских и словацких диалектов, можно отметить лишь лексему *//ěd-iv-o* к. 54 'еда': в русских диалектах она засвидетельствована в севернорусских говорах (архангельских); в словацких диалектах эта лексема имеет дисперсные ареалы в западнословацких (пп. 210, 213), в среднесловацких (пп. 223, 224) и восточнословацких говорах (п. 225).

Нетрудно заметить, что это эксклюзивное лексическое соответствие так же, как и сепаратные, не имеет ярко выраженных ареалов, хотя нельзя не отметить повторяемость локализации в западнословацких диалектах, а в русских – в севернорусских говорах.

Примечательно, что это эксклюзивное соответствие представлено именем с производной основой, что невольно наталкивает на мысль о его позднем образовании.

Об этом косвенно свидетельствует и тот факт, что существование этого эксклюзива, его так сказать, витальность, была во многом поддержана другими однокоренными лексемами, имеющими в тех же диалектах более широкое распространение. Так, в частности, лексема *//ěd-iv-o* к. 54 'еда' имеет серьёзную «поддержку» со стороны лексем *//ěd-a* в русских диалектах и *ěd-l-o*, *//ěd-j-en-vj-e* в словацких.

Итак, как видно из приведённого материала, топография словацко-русских изоглосс, их реальная языковая наполненность и разная пространственная локализация оказывается довольно сложной и не исчерпывается количественным показателем.

Качественные различия словацко-русских изоглосс являются свидетельством их разного исторического прошлого. Поэтому хронологически они интерпретируются по-разному.

Инвентарь русско-словацких лексических соответствий включает в себя, с одной стороны, общеславянские лексемы, а с другой – ареально ограниченные диалектизмы, восходящие и к праславянской эпохе, и к эпохе самостоятельного развития славянских языков. Среди этих схождений

¹ Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 12. М.: Наука, 1985. С. 88.

² См.: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. II. М.: Прогресс, 1967. С. 364; Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. I. М.: Рус. яз., 1994. С. 438; Преображенский А. // Этимологический словарь русского языка. Т. I. М.: Типография Г. Лиснера и Д. Совко, 1910. С. 376.

³ Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 12. М.: Наука, 1985. С. 36.

наблюдаются такие, которые детерминированы факторами генетического порядка (они имеют глубокие корни и восходят часто к периоду праславянской языковой общности), и такие, которые определяются факторами пространственно-генетическими (они во многом порождены явлением интерференции словацких, украинских и польских диалектов, расположенных на смежных территориях).

Как свидетельствует проведённый анализ, в большинстве своём словацко-русские ареальные связи сложились в рамках восточнославянского языкового континуума. По сравнению с этими изоглоссами роль сепаратных и эксклюзивных словацко-русских лексических соответствий в общеславянском контексте оказывается менее значительной.

Таким образом, в картине территориального распределения ареальных связей русских и словацких диалектов отчётливо просматривается несколько планов.

На первом плане находятся связи, которые оказались во многом предопределены статусом самого **русского языка как члена восточнославянского языкового континуума.** В формировании этих лексических связей чрезвычайно важную роль сыграли украинские и белорусские диалекты, которые во многом поддерживали эти связи, выполняя функцию своеобразного «моста» между русскими и словацкими диалектами. Благодаря их поддержке сложилось большинство ареальных связей русских и словацких диалектов. Не случайно среди этих связей не отмечено случаев, когда лексема была бы широко представлена только в русских диалектах и при этом находила бы такое же широкое распространение в языках западно- и/или южнославянской группы.

Связи второго плана – это собственно русские ареальные связи. Они играют не менее важную роль в общей картине словацко-русских языковых отношений, хотя в количественном выражении они представлены довольно ограниченным кругом лексем.

Таким образом, карты «Общеславянского лингвистического атласа» свидетельствуют о том, что эксплицированный на них материал в хронологическом плане оказывается чрезвычайно разнородным, так как изоглоссы межславянских лексических соответствий проецируются в разновременные плоскости.

О том, что эти связи имеют разную хронологическую отнесённость, ярче всего говорит тот факт, что словацко-русские изоглоссы, сформировавшиеся в рамках восточнославянских языков, и изоглоссы, являющиеся принадлежностью собственно русских диалектов (т. е. сепаратные и эксклюзивные), обладают разной ареальной характеристикой (ср., например, локализацию русско-(украинско-белорусско-) словацких лексических изоглосс, для которых ведущим является южнорусский вектор, и распространение сепаратных и эксклюзивных русско-словацких соответствий, которые локализуются чаще всего в севернорусских говорах).

Таким образом, в общей картине словацко-русских лексических соответствий отчётливо просматриваются по крайней мере два хронологических среза – древний, относящийся к истокам формирования славянского языкового единства, и более поздний, связанный с процессами междиалектной интеграции, культурно-языкового взаимодействия словацких, польских, украинских, белорусских и русских диалектов.

Такая неоднозначная картина ареальных связей словацких и русских диалектов согласуется с идеей Э. Бенвениста о том, что степень родства между членами больших семей родственных языков в разные хронологические периоды способна принимать различные значения [1, с. 45], поскольку в истории межславянских диалектных отношений наблюдается действие двух противоположных тенденций: междиалектной интеграции и консервации как следствия сопротивления инодиалектным влияниям.

Статья поступила в редакцию 13.11.2019 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бенвенист Э. Классификация языков // Новое в лингвистике. Вып. III. М.: Издательство иностранной литературы, 1963. С. 36–55.
2. Бородина М. А. Развитие ареальных исследований и основные типы ареалов // Взаимодействие лингвистических ареалов: Теория, методика и источники исследования / отв. ред. М. А. Бородина. Л.: Наука, 1980. С. 3–36.
3. Вендина Т. И. Русские диалекты в общеславянском контексте (лексика). М.: Институт славяноведения РАН, 2009. 532 с.
4. Вопросник Общеславянского лингвистического атласа. М.: Наука, 1965. 270 с.
5. Жирмунский В. М. О некоторых проблемах лингвистической географии // Вопросы языкознания. 1954. № 4. С. 3–25.
6. Журавлев А. Ф. Лексико-статистическое моделирование системы славянского языкового родства. М.: Индрик, 1994. 254 с.
7. Иванов В. В. История и современное состояние диалектов славянских языков на картах Общеславянского лингвистического атласа // Славянское языкознание. XI Международный съезд славистов: доклады российской делегации. М.: Наука, 1993. С. 315–327.
8. Климов Г. А. Основы лингвистической компаративистики. М.: Наука, 1990. 166 с.
9. Кондрашов Н. А. Возникновение и начальный этап развития словацкого литературного языка: автореф. дисс. ... докт. филол. наук. М., 1968. 46 с.
10. Кондрашов Н. А. Славянские языки: учеб. пособие. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Просвещение, 1986. 239 с.
11. Куркина Л. В. Диалектная структура праславянского языка по данным южнославянской лексики. Ljubljana: Slovenska akademija znanosti in umetnosti, 1992. 260 с.
12. Макаев Э. А. Проблемы и методы современного сравнительно-исторического индоевропейского языкознания // Вопросы языкознания. 1965. № 4. С. 3–19.
13. Мартынов В. В. Язык в пространстве и времени: к проблеме глоттогенеза славян. М.: Наука, 1983. 108 с.
14. Никитин О. В. Филолог-славист Н. А. Кондрашов как историограф науки и педагог (К 100-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. 2019. № 5. С. 81–89.
15. Принципы описания языков мира / отв. ред. В. Н. Ярцева, Б. А. Серебренников. М.: Наука, 1976. 343 с.
16. Теньер Л. По вопросу о диалектологическом атласе русского языка // Вопросы языкознания. 1966. № 5. С. 110–120.

REFERENCES

1. Benvenist E. [Classification of languages]. In: *Novoe v lingvistike. Vip. III* [New in linguistics. Iss. III]. Moscow, Izdatel'stvo inostrannoi literatury Publ., 1963. pp. 36–55.
2. Borodina M. A. [Development of areal research and main types of habitats]. In: Borodina M. A., chief ed. *Vzaimodeistvie lingvisticheskikh arealov: Teoriya, metodika i istochniki issledovaniya* [The interaction of linguistic areas: Theory, methods and sources of research]. Leningrad, Nauka Publ., 1980. pp. 3–36.
3. Vendina T. I. *Russkie dialekty v obshcheslavyanskom kontekste (leksika)* [Russian dialects in the Slavic context (vocabulary)]. Moscow, Institut slavyanovedeniya RAN Publ., 2009. 532 p.
4. *Voprosnik Obshcheslavyanskogo lingvisticheskogo atlasa* [The questionnaire of Slavic linguistic Atlas]. Moscow, Nauka Publ., 1965. 270 p.
5. Zhirmunskii V. M. [On some problems of linguistic geography]. In: *Voprosy yazykoznaniya* [Topics in the study of language], 1954, no. 4, pp. 3–25.
6. Zhuravlev A. F. *Leksiko-statisticheskoe modelirovanie sistemy slavyanskogo yazykovogo rodstva* [Lexico-statistical modeling system of the Slavic language relationship]. Moscow, Indrik Publ., 1994. 254 p.
7. Ivanov V. V. [The history and current state of dialects of the Slavic languages on maps of the pan-Slavic linguistic Atlas]. In: *Slavyanskoe yazykoznanie. XI Mezhdunarodnyi s'ezd slavyanov: doklady rossiiskoi delegatsii* [Slavic linguistics. 11th international Congress of Slavists: reports of the Russian delegation]. Moscow, Nauka Publ., 1993. pp. 315–327.
8. Klimov G. A. *Osnovy lingvisticheskoi komparativistiki* [The foundations of linguistic comparative studies]. Moscow, Nauka Publ., 1990. 166 p.
9. Kondrashov N. A. *Vozniknovenie i nachal'nyi etap razvitiya slovatskogo literaturnogo yazyka: avtoref.*

- diss. ... dokt. filol. nauk [Appearance and initial stage of development of the Slovak literary language: abstract of D. thesis in Philological Sciences]. Moscow, 1968. 46 p.
10. Kondrashov N. A. *Slavyanskije yazyki* [Slavic languages]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1986. 239 p.
 11. Kurkina L. V. *Dialektnaya struktura praslavyanskogo yazyka po dannym yuzhnoslavyanskoi leksiki* [The dialectal structure of the Proto-Slavic language according to South Slavic vocabulary]. Ljubljana, Slovenska akademija znanosti in umetnosti Publ., 1992. 260 p.
 12. Makaev E. A. [Problems and methods of contemporary comparative-historical Indo-European linguistics]. In: *Voprosy yazykoznaniya* [Topics in the study of language], 1965, no. 4, pp. 3–19.
 13. Martynov V. V. *Yazyk v prostranstve i vremeni: k probleme glottogeneza slavyan* [Language in space and time: the problem of glottogenesis of the Slavs]. Moscow, Nauka Publ., 1983. 108 p.
 14. Nikitin O. V. [Slavic philologist N. Kondrashov as a historiographer of science and a teacher (to his 100th anniversary)]. In: *Russkii yazyk v shkole* [Russian language at school], 2019, vol. 80, no. 5, pp. 81–89.
 15. Yartseva V. N., Serebrennikov B. A., chief ed. *Printsipy opisaniya yazykov mira* [The principles of description of languages of the world]. Moscow, Nauka Publ., 1976. 343 p.
 16. Ten'er L. [On the question of dialectological Atlas of the Russian language]. In: *Voprosy yazykoznaniya* [Topics in the study of language], 1966, no. 5, pp. 110–120.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Вендина Татьяна Ивановна – доктор филологических наук, профессор, руководитель Центра ареальной лингвистики Института славяноведения Российской академии наук;
e-mail: vendit@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tat'yana I. Vendina – Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of Center of Areal Linguistics, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences;
e-mail: vendit@rambler.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Вендина Т. И. «Общеславянский лингвистический атлас» и словацко-русские лексические изоглоссы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. № 5. С. 50–65.
DOI: 10.18384/2310-7278-2019-5-50-65

FOR CITATION

Vendina T. I. "General Slavic linguistic atlas" and Slovak-Russian lexical isoglosses. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2019, no. 5, pp. 50–65.
DOI: 10.18384/2310-7278-2019-5-50-65